

Бланк конкурсной работы Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2023/24 г.

1 страница

Субъект Российской Федерации / Государство, на территории которого располагается школа МИД / Республика Беларусь / Страна СНГ
Ханты-Мансийский автономный округ Югра
Город (населенный пункт)
Сургут
Полное название образовательной организации
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Сургутский естественно-научный лицей
Участник Конкурса
Фамилия
Рябанка
Имя
Кристина
Отчество
Сергеевна

2 страница

Класс (курсе) обучения участника Конкурса

11

Тематическое направление

Учитель, который выиграл Великую Отечественную войну;
подвиг и жертвенность

Жанр сочинения

Рассказ

Тема сочинения

Одна жизнь

Сочинение

Мерно тикали часы. В школьном кабинете в девять утра стояла удивительная тишина. Шёл урок, дети сосредоточенно писали задания в своих тетрадях. Не было слышно ни перешёптываний, ни смешков, что всегда являлось невозможным для 7-ых классов. А причина такого поведения была проста - множество мест за партами было незанято. Шёл октябрь 1941, когда Александра Викке, молодая учительница литературы, выйдя на работу после заткнувшихся каникул, с глухим отчаянием осуждала

отсутствие почти половины своих учеников. Она понимала, что, наверное, больше никогда не увидит их в школе.

Дело в том, что эти ученики были евреями. И это никогда не было проблемой в Одессе. Давно со приходом немецких захватчиков порядки изменились.

Теперь им запрещалось обучаться в школах и университетах, они больше не имели права свободно перемещаться и спокойно жить. Александра этого не понимала. Она учила этих детей вот уже 7 лет. Это был её первый в жизни класс, она искренне полюбила каждого ребёнка. Учительница наблюдала все их игры и споры, почти каждый день слыхала их смех и различные истории, видела, как они растут. И теперь, сидя в машине в своём полупустом кабинете, Александра ощущала глущую тревогу за их судьбы. Резко шелестели передние вентили учениками страниц, скрипели стальные перья, оставляя иногда в тетрадах большие клексы. В кабинет мягко проникал солнечный свет, но в душе она чувствовала лишь медленно сгущающиеся тучи, которые неотвратимо собираются над всеми людьми в их городе.

Когда рано утром 30 октября 41 года Александра

Винке услышала стук в дверь, она испугалась. В такое время все стали бояться незваных гостей. Но, открыв дверь, она облегчённо вздохнула. Там стояла мама одной из её пропавших учениц — Елена Бернштейн. С этой женщиной Александра познакомилась, когда та пришла устраивать свою дочь в школу. Её семья — беженцы, которые в 1940 году приехали в Одессу из Румынии к своим родственникам в надежде на спокойную жизнь. После нескольких встреч женщины стали хорошими подругами. Они часто ходили друг к другу в гости, в кафе и просто прогуливались по парку. Но после распоряжения нацистских властей о выдворении всех *juden* в городе встречи стали намного реже, а вскоре прекратились совсем. Её муж, Леб Бернштейн, был евреем, имел еврейскую внешность и имя, которые передал детям: старшей Еве и младшему Цезарию. Поэтому вся семья обязана была соблюдать новые правила.

Свою подругу она молча впустила в дом, перед этим проверив улицу на наличие свидетелей, и только потом за закрытыми дверями крепко её обняла. Елена выглядела измождённой. В глазах стояли слёзы,

руки дрожали. Елена боялась, причём безумно.

- Пойми же, у нас никого здесь не осталось, - быстро говорила она. - Дорогих дядю и тётю Лейба забрали ещё неделю назад в какой-то трудовой лагерь. Исчезли многие наши знакомые, лавочник с соседней улицы и даже семья Азаревых, сын которой учился у тебя в классе вместе с Евой. А ведь они даже не имеют еврейской внешности. Мне страшно, Александра. Страшно даже не за нас с мужем, а за детей. Что их ждёт там?

Винке потталась успокоить свою подружку, да только Елена уже не могла остановиться. Говорила и говорила. Она начала просить о невозможном, буквально умолять её, быстро тараторя своим срывающимся голосом, будто захлебываясь словами.

- Мы просто будем сидеть на чердаке. Тихо-тихо, как мышки. И запас еды у нас есть, и деньги. Лейб, оказывается, с самого начала готовился и подобному. За детей я ручаюсь, они будут послушными. Понимаешь, это может быть, единственная возможность спастись, воинь. И дети...

Неожиданно она замолчала, опустив на колени

руки, которыми крепко сжимала свою шаль, как будто у неё ушли последние силы. Александра всё понимала. Да только это было опасно не только для семьи Бернштейнов, но и для неё самой. Ведь если об этом узнает полиция, ей грозит наказание. Штучнее - смерть либо от пули, либо в лагере. Время принималось решение. Визже осознавала, что должна дать ответ сейчас, потому что неизвестно, смогут ли они встретиться вновь. В груди поселилось тяжёлое чувство. Горло стало спазмом. Она сидела напротив Хелены, видела её потухшие красные глаза, похудевшую, сгорбленную фигуру и не знала, что решить. Так в молчании пролетело десять минут. За окном стали слышаться голоса первых проснувшихся граждан. Шелестела занавеска. И только когда Хелена механически встала и уже надела свой шарф, в голове молодой учительницы что-то щёлкнуло. Александра быстро подошла к подруге, крепко взяла своими подрагивающими пальцами её холодную руку и, глядя в глаза, твёрдо сказала:

- Я помогу вам.

Хелена смогла лишь благодарно кивнуть и порывисто прижать к своей груди их сцепленные руки.

На лице робко зародилась дрожащая улыбка. Одно единственное слово тихо, словно шелест листа, сорвалось с её бледных губ: „Спасибо“.

Прошло уже сорок семь дней с того момента, как вся семья Берштейн стала жить на чердаке дома Александры. Переезд произошёл спустя два дня после их разговора. Они появились на пороге дома позднее ночью, в одежде без обязательных для евреев опознавательных знаков. Паспорта они порвали и сожгли в своей прежней квартире. Увидев спустя долгое время разлуки сильно похудевших детей Еву и Цезария, молодая учительница еле смогла сдержать слёзы. Над её головой нависла угроза смерти, а она была просто рада наконец увидеть своих бывших учеников, узнать, что хотя бы с ними всё хорошо. Ева стала уже взрослой девочкой, которой недавно исполнилось четырнадцать лет. В её серых глазах поселилась такая непривычная для детей серьёзность и усталость. А вот Цезария совсем не изменился. Семилетний мальчик на всё смотрел с неизменной детской непосредственностью. Он воспринимал переезд и жизнь на чердаке как интересную игру.

Теперь в доме появились новые негласные правила:

разговаривать и перемещаться по комнатам днём было запрещено, так как Александра была в школе и соседи могли что-то заподозрить; запрещалось издавать громкие звуки, открывать штору на чердачном окне, ронять или передвигать предметы и притом выходить из дома. Любое нарушение, любая оплошность могла привести к смерти всех. Каждый день был похож на предыдущий. Александра договорилась со своим старым другом, продавцом в маленьком магазинчике, который начал иногда откладывать некоторые продукты для них. Но всё же были выходы. Из развлечений остались только тихие вечера, когда семья наконец могла спуститься с чердака, собраться в гостиной, включить радио (хотя новости при этом старались не слушать), почитать сборники рассказов, которых у учителя литературы в библиотеке было достаточно. Разговаривали обычно шепотом.

Детям приходилось гнаться. Ева, ранее чудесная весёлая девочка, окончательно замкнулась в себе, часто не спускала на умин, ругая в своём уме. Единственной отрадой для неё стали старые учебники. Всё-таки девочка скучала по школе. Даже не из всех сил старал-

ся следовать строгим папиным указаниям. Громко не смеялся, не бегал, даже иногда ходил на цыпочках по лестнице и на чердаке, не кричал и не баловался. Его спасало воображение и любимая игрушка - плюшевый медведь с волшиком на его животе именем Цедра. Только его он смог взять с собой. Раня часто отвлекал взрослых от темных мыслей, играя на разноцветном ковре в гостиной. Он мог быть то пиратом, то волшебником, которым требовалось быть очень тихими из-за серьезного задания. В такие моменты, наблюдая за маленьким мальчиком с майкой на голове в качестве шляпы, семья и учительница могли позволить себе быть счастливыми, нежалея забываясь.

Этот вечер был непохож на все предыдущие. Всё началось, когда Александра вернулась днем из школы. На ее щеках играл румянец, в глазах застыл взволнованный блеск. Сняв пальто, она побежала на чердак. Дети в это время спали, укрывшись по самый нос одеялами и тихо посапывая, а родители тихо переговаривались друг с другом, держась за руки. Она позвала их за собой на кухню, где, закрыв все

окна, они могли спокойно пообщаться.

— Я нашла способ, как вывезти вас в безопасное место, — начала беспокоиться Александра.

Её голос, словно колокольчик, зазвенел в комнате. Елена с Лейбом уже сели за стол и теперь со скротой надеждой слушали план молодой учительницы.

Музыкант сосредоточенно хмурился, а мать судорожно сжимала пальцами белоснежную скатерть.

— В нашей школе прошёл слух о преподавателе в университете, который занимается спасением еврейских семей. Ну я и нашла его. Там целая группа учителей и воспитателей помогает. Я смогла договориться с ним, чтобы он организовал ваш выезд сначала из города, затем, возможно, из страны. Да, это опасно. Да, может не получиться. Но ещё опаснее вам оставаться здесь. Рано или поздно мы совершим ошибку и они найдут вас.

Она замолчала. Елена с Лейбом переглянулись. Такая возможность выпадает не каждый день. Наконец у них появился реальный шанс спастись. Обсуждения длились весь вечер. Дети видели, как резко измени-

лись родители, но ничего не понимали: у отца появился блеск в глазах, он даже перестал сутулиться, а мама надела на ужин своё праздничное платье. В этот вечер по кухне разливалась мягкая и спокойная музыка.

Уже на следующий день Александра встретилась с тем преподавателем, и они договорились об отправке, которая должна была состояться через неделю. Но такой срок не беспокоил семью Бернштейнов. Они всё не могли поверить, что вскоре наконец окажутся в безопасности. Смогут громко говорить, смеяться и просто гулять по улице. Детьми решили не рассказывать. Но Ева и так поняла, что скоро произойдёт что-то хорошее и ходила в немом ожидании, не позволяя себе фантазировать, чтобы потом не пришло разочарование. Один Рая всё себе по-прежнему.

Время пролетело быстро. Все вещи были уже собраны. Бернштейны и Александра сидели в гостиной, пили чай и тихо переговаривались, вспоминая счастливые моменты, которые будто остались в прошлой жизни. Они понимали, что сидят так в последний раз. Часы пробили три часа ночи. Тора уходит. Закутавшись в

платки и спрятав в них лица, с маленькими котомками из дома вышла исчезающая когда-то семья и учительница литература. Елена с Лейбом крепко держали детей за руки. После снегопада было достаточно морозно. Небо всё ещё было затянуто тяжёлыми тучами. Ни в одном окне не было света, все спали в своих кроватях и не знали, что в этот самый момент четверо людей мажно выдыхают холодный ночной воздух, словно это является их жизненной необходимостью. Как не долго они не были на улице. В ту ночь стояла крепкая мгла, которая заботливо укрывала семью, давая им долгожданную шанс на свободу. Тёмные чёрные фигуры быстро передвигались вдоль домов, пока не дошли до внушительного здания университета, где у заднего входа их встретил проводник. Трагически молча. Александра схватила в объятиях Лейбу с собой, пожала руку отцу, который с благодарностью смотрел на неё, и потрепала по голове маленького Рачечку. Слово „Удачи!“ тихо прошепстало, словно ветер, не разрушая тишину ночи. Больше задерживаться было нельзя: опасно.

Солнце уже поднималось, медленно озаряя небо розовым светом. Александра Винке подходила к своему дому, ощущая одновременно тревогу и облегчение от осознания того, что её друзья теперь в безопасности, когда увидела стучащих в её дверь мужчин. На них была немецкая форма. Услышав её шаги, они повернулись. Равнодушные холодные глаза медленно озирали её.

- Александра Винке? - спросил, кажется, самый старший из них с жестоким лицом и седыми прядями в волосах.

- Да, чем могу быть полезна? - спросила женщина устало.

- Сначала скажите, почему вы нарушаете комендантский час?

Винке нервно сглотнула. Запеклись кончики пальцев.

- Я... решила прогуляться немного. Всего пять минут. Меня мучила головная боль, и я не могла уснуть.

- Лeno. На вас поступил анонимный донос. Мы вынуждены проверить ваш дом на наличие незарегистрированных лиц.

Александра незаметно выдохнула, радуясь, что они убрали любые следы пребывания Бернштейнов.

На её чердаке. Легко поднявшись по ступенькам, она открыла дверь и прошла в прихожую, приглашая следовать за собой. В голове она всё-таки перебирала возможные варианты: что-то могли случайно забыть или не заметить. Потом начала размышлять, что, может быть, кто-то из соседей увидел, как они выходят из дома ночью. А, может, они забыли закрыть окно на кухне? „Так или иначе, — думала учительница, проходя в гостиную, — теперь до них не смогут добраться и...“ Тут её мысль прервалась, а сама женщина резко встала на пороге комнаты. Руки медленно опустились вдоль тела, а из груди вырвался судорожный вздох. Спину будто пронзила молния, заставив сердце подскочить к самому горлу. Сзади она ощущала холодное дыхание палицейских, которые видели сейчас то же, что и она. Не сбегашь, не спрячешься. Нет смысла придумывать оправдание. Это её конец.

Время в гостиной замерло, и лишь часы всё также продолжали тикать, нарушая беззвучную тишину. Занавеску колотил холодный ветер. А на цветастом ковре, прямо на середине, раскрыл свои объятия, сидел плюшевый мишка. И на его животе кривыми

вышитыми буквами чётко виделось имя мальчика,
который хотел оставить единственную любимую игрушку
доброй учительнице, которая их спасла. Это было
еврейское имя.